

Алена Даркина

Право на стены

Алена Даркина
Право на стены

«Автор»

2026

Даркина А.

Право на стены / А. Даркина — «Автор», 2026

На бескрайней свалке стоят пять городов-гигантов. В них есть место только тем, ктолезен системе. Остальных — сирот, инвалидов, стариков — выбрасывают за пределы привычной жизни. Приют на свалке долгие годы оставался единственным местом, где таким людям позволяли выжить. Но теперь мэр Нью-Йорка решил забрать здание. Для города это всего лишь спорный объект, незаконно занятые стены и удобный предлог для силовой операции. Для тех, кто живет внутри, — последний дом. Когда отряд капитана Адольфссона приходит к Приюту, Зверев отказывается сдатьсь. Он знает: обещанная эвакуация спасет только сильных. Зверев готовит оборону, потому что уходить им некуда.

© Даркина А., 2026

© Автор, 2026

Алена Даркина

Право на стены

Глава 1

Глава 1

Снаружи

Они подошли к приюту, когда на часах было 7:00. За четыре года свалка не то чтобы уменьшилась, но в ней появились «трассы», которые всё больше расширялись. Теперь можно было пройти по ней ощущая под ногами твердую землю. Вот по этой земле отряд в черных защитных скафандрах и подошел к приюту.

Перед шестиэтажным зданием тоже появилась внушительная площадка. Оно и понятно: хищников уже четыре года как нет, но дышать воздухом свалки по-прежнему нельзя. Вернее, можно, конечно, но недолго. Те, кто выходит сюда без скафандра, долго не живут. Дети из приюта — исключение. Им еще сьяньшень Дэн придумал фильтр-маски. Надолго их не хватало, но часок поработать можно. Неудивительно, что дети старались не уходить далеко от стен с чистым воздухом. Поэтому свалка и отступила на несколько метров от стен приюта.

На этом пятачке бойцы построились. В одну шеренгу, чтобы обитатели приюта могли увидеть их во всей красе.

— Смирно! — негромко сказал Ким по рации.

Пятьдесят человек стукнули берцами и сомкнули щиты.

Ему не приходилось кричать, чтобы его слушались. Он не только был капитаном, его действительно уважали. И аппаратура в шлемах хорошая. Даже шепотом скажешь — услышат.

Он оглядел штурмовиков, стоявших навтыжку перед входом в приют, и остался доволен: выглядели они внушительно. После этого повернулся лицом к приюту. Сейчас не видно было, наблюдает ли за ними кто-то из окон, но Ким был уверен, что те, кому надо, за ними следят.

Он чуть сдвинул стекло скафандра снизу, ровно настолько, чтобы поднести к губам громкоговоритель, и заговорил размеренно и веско:

— Внимание! Говорит командир сводного штурмового отряда капитан Адальфссон. По распоряжению мэрии Нью-Йорка введен режим принудительной эвакуации и проверки объекта «Приют». У вас есть двадцать четыре часа для добровольного освобождения здания. Оперативно-штурмовой отряд полиции обеспечит и осуществит проверку. Лица, находящиеся в розыске, будут задержаны. Всем, кто покинет здание добровольно, гарантируется неприкосновенность. Выход осуществляется через главный вход, по одному. Разрешается взять с собой личные вещи. Лиц, оказывающих сопротивление, пытающихся скрыться или препятствующих эвакуации, отряд будет задерживать. По истечении двадцати четырех часов начнется принудительная эвакуация. Ответственность за последствия сопротивления будет возложена на тех, кто отдает приказ не подчиняться.

Ким сделал небольшую паузу и завершил:

— Повторяю: у вас есть двадцать четыре часа. Добровольный выход — единственный способ избежать силовых мер.

Только после этого он опустил громкоговоритель, захлопнул защитное стекло скафандра и скомандовал:

— Вольно!

Пятьдесят шлемов чуть повернулись, щиты разом ушли в более свободное положение, но строй не рассыпался. Никто не позволил себе расслабиться.

— Клюев, Юзефович, проконтролируйте окна с обратной стороны, — распорядился Ким.

На самом деле он не верил, что оттуда кто-то полезет, но всё нужно было сделать правильно.

— Есть, — отозвались оба. Они ушли не бегом, но быстро — вдоль стены, выдерживая дистанцию, щиты держали так, чтобы в любой момент закрыть корпус. Шаги были тяжелыми и четкими — в скафандре иначе не пойдешь.

Стоя перед приютом под мутно-желтым небом, Ким еще раз исследовал себя. Нет, он не чувствовал ни злобы, ни желания отомстить. Хотя когда услышал на планерке об этом задании, сердце дрогнуло на мгновение. Но тут же появилась уверенность: его и отправят. Больше некого.

И действительно сразу после совещания майор вызвал его к себе в кабинет. Ким бывал здесь нечасто, но ему нравилась простота и функциональность этого места: карта города по секторам на стене, рядом резервный телефон, по которому можно объявить служебную тревогу. На столе еще один телефон — обычный, и несколько папок с личными делами. Самое верхнее — его.

Майор кивнул на стул и опустился в компактное офисное кресло. Хлебнул из чашки, испытующе глядя на подчиненного:

— Как думаешь, выйдут?

— Нет, — спокойно ответил Ким. — Такие не выходят.

Аромат кофе щекотал ноздри. Пожалуй, это единственная примета роскоши: майор стоял в шаге от положения, при упоминании о котором, закатывают глаза, потому что обитают такие люди на очень высоких этажах. Ким, например, не мог себе позволить кофе на работе, ограничивался дешевыми заменителями или вообще химическими стимуляторами.

— Думаешь, понадобится зачистка? — майор сделал еще один глоток, и Ким почему-то заметил за этим жестом нервозность.

— Уверен.

Повисла пауза, а потом всё же прозвучал вопрос:

— Возьмешься? — глаза над кружкой чуть прищурились.

Ким еле сдержал усмешку, а затем уточнил вместо ответа:

— Господин майор, вы спрашиваете, потому что сомневаетесь? Не верите, что я выполню приказ, потому что сам вышел оттуда?

— У меня сомнений нет, — майор со стуком поставил кружку. — Но вот другие... Говори, что ты об этом думаешь.

Ким откинулся на спинку стула, устаиваясь поудобнее. Губы дрожали в полуулыбке, от которой людям становилось не по себе.

— Напомню, из Приюта меня выгнали в чем был, даже банки еды с собой не дали, а мою жену убили.

— Хочешь отомстить? — майор снова насторожился.

Теперь Ким откровенно ухмыльнулся:

— Господин майор, я как будто на исповеди у священника, — а потом посерьезнел: — У меня давно прошли и ненависть, и желание отомстить. Нью-Йорк ставит задачу: очистить помещение от тех, кто распространяет заразу и укрывает преступников. Я подхожу лучше всех, потому что помню, что внутри и организую зачистку эффективнее других.

— Капитан, извини за странный разговор, — со вздохом покачал головой майор, — но ты должен понять. Я считаю тебя лучшим и наиболее подходящим для этого задания. Но если я рискну и поставлю на тебя, а ты устроишь резню... Нам нужно всё сделать быстро и чисто. Это полицейская операция, а не карательный поход. В идеале никаких жертв.

— Задача ясна, господин майор. Разрешите выполнять?

Начальник одобрительно улыбнулся:

— Иди. Я подготовлю приказ.

И вот Ким здесь. Каждый час надо делать объявления с предложением покинуть приют. Да, бесполезно, но нужно, чтобы ни одна сволочь потом не сказала, что они не слышали или не поняли. Каждые два часа бойцы будут меняться: одни на передовой, следить за приютом, другие в резерве. Каждые шесть часов два отделения будут уезжать в город на отдых, смену костюмов. Вместо них придут другие. Костюм Кима позволял безотлучно находиться на свалке трое суток. Вполне достаточно, чтобы уйти, лишь когда приют будет очищен.

Капитан на секунду задержал взгляд на дверях. Они были те же. Созданные в незапамятные времена из тяжелого металла, двери весили прилично. За них можно выручить Ящиков десять ед, но без дверей приют герметично не закрыть и миазмы свалки проникнут внутрь, отравляя воздух. Никакая вентиляция не спасет.

Перила с лестниц внутри здания сняли и продали еще до того, как Левицкий стал богом приюта, поэтому, поднимаясь на пятый этаж, где располагались квартиры лейтенантов, все жались к стенам.

Взгляд скользнул вверх по стеклопакетам — тоже надежно задраены, чтобы изолировать помещение от внешнего мира, не хуже, чем в городских квартирах. Глаза невольно задержались на пятом этаже. Окно комнаты, где они жили с Лейлани, тоже выходило сюда.

Не думать!

Он посмотрел на бойцов и сообщил по внутренней связи:

— Еще с полчаса постоим так, ребята. Я не урод, сутки вытягиваться не заставлю, но сейчас надо. Может, это их вразумит.

Насчет «вразумит» — он, конечно, пошутил. Но если напугает, подорвет дух тех, кто прятался за стенами, тоже будет неплохо.

Через полчаса — за временем он следил по электронному табло, бледно сиявшему на периферии зрения на стекле скафандра, — Ким отдал следующий приказ:

— Первое отделение — распределиться по периметру, контроль окон. Особое внимание пожарной лестнице — люк на крыше заварен, но кто их знает... Второе отделение — обозначить периметр. С третьего по пятое в резерве, готовность один, два и три соответственно. Выполнять.

Всё зашевелилось. Два бойца встали, нацелив парализаторы на вход, двое контролировали правую и левую части фасада, еще двое ушли за здание. Несколько бойцов вбивали в грунт колья, другие вынесли свернутую сигнальную ленту с предупредительными знаками. Они без суеты растягивали ее полукольцом, оставляя коридор у главного входа.

Следом из рюкзака извлекли крупные таблички: «ОПАСНАЯ ЗОНА. ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. ПОЛИЦИЯ». Их расставили так, чтобы отсечь проходы в стороны: выйдя из здания, люди не должны метаться ни влево, ни вправо, только идти по обозначенному коридору.

Один боец разматывал тяжелый кабель от переносного прожектора, то и дело оглядываясь на приют: к вечеру здание должны были держать под светом со всех сторон. Третье отделение в готовности один стояло со щитами, но в положении вольно, переговариваясь друг с другом по внутренней связи. Четвертое и пятое превратили щиты в импровизированные стулья и уселись на них. Одни воспользовались возможностью поесть и вздремнуть — готовность три. Другие что-то обсуждали, посматривая то на тех, кто трудился в первой линии, то на строй перед собой.

Два штурмовика его особенно заинтересовали. Лиц не было видно, но поза выдавало скрытое напряжение. Ким ткнул пальцем кнопку — переключился на общую связь. Но услышал лишь одно слово:

— ...дети!

Затем бойцы заметили внимание капитана и разом уставились на него.

— Имя, звание, — он прекрасно знал всех штурмовиков, но хотел немного встряхнуть того, кто занервничал.

— Лейтенант Ведерников! — боец вскочил, вытянулся по стойке смирно.

— Вы считаете, что мы не должны сражаться с детьми? — попробовал Ким угадать содержание разговора.

Штурмовик явно смутился, начал что-то мямлить:

— Господин капитан, я только... Но ведь это же приют! Какие там преступники?

— Лейтенант Ведерников, если не ошибаюсь, Нью-Йорк не ваш родной город. Вы ведь из Лондона?

— Так точно, господин капитан, — уныло сообщил боец.

— Судя по званию, шесть-семь лет назад вы уже служили в полиции.

— Так точно, — вновь повторил Ведерников, не понимая, куда клонит начальство.

— И как тогда было в Лондоне? От чего погибали полицейские? — Мужчина дрогнул, словно внезапно вспомнил, но Ким не стал ждать, ответил сам: — Полицейские чаще всего погибали из-за нападения... детей, — это слово он произнес с ядом в голосе. — Они ночью в подъезде очень ловко втыкали заточку в горло. Думаете, нас просто так отправили к приюту? Почему столько лет никто их не трогал, а теперь вдруг предъявили ультиматум? — Ким сделал паузу, чтобы Ведерников сам ответил себе на эти вопросы, а капитан только подвел итог: — Нас прислали, чтобы арестовать не детей, а преступников. Если забудете об этом, это может стоить вам жизни. Еще вопросы есть?

— Никак нет, господин капитан! — в голосе штурмовика появилось больше уверенности.

Ким кивнул, отключил внутреннюю связь и отправился дальше. Пошел вдоль линии, оценивая сектора.

Он не знал, удалось ли по-настоящему убедить лейтенанта, но хотя бы напомнил, что лучше не чесать языком с кем попало. Из-за неблагонадежности можно потерять хорошую работу и квартиру на этаже +20 и отправиться под землю в уборщики, а можно и просто исчезнуть. Ким не наступит, так другой доброхот найдется. Это только говорят, что хищники на свалке исчезли. На самом деле они теперь ищут жертв внутри города.

Официальная версия происходящего звучала так: его штурмовой отряд зачищает рассадник эпидемии и преступности. Нью-Йорк два месяца предлагал варианты легализации обитателей приюта. Все благонадежные уже давно воспользовались этим предложением. Остались лишь те, кто понимает: за ними тянется преступный след, проверку они не пройдут.

Неофициальная версия, которую Ким, конечно же, никогда не озвучивал, в отличие от наивного Ведерникова, была меркантильнее: кому-то очень приглянулось здание, стоящее на отшибе. Может, дачку себе мэр решил сделать для отдыха от дел. Как раз все уместятся: и семья, и слуги, и охрана. Шести этажей хватит.

Дети... Кривая ухмылка скользнула по губам. Он вспомнил подопечных, за которых отвечал, когда был старшим лейтенантом приюта. Вряд ли сейчас там контингент лучше. Скорее, наоборот.

Ким заметил рядового — он словно тянулся вверх, пытаясь разглядеть кого-нибудь в окнах верхнего этажа. Наверно, ему стало бы легче, если бы увидел.

Но они не покажутся. Его слова об ультиматуме — пустая формальность. Никто не выйдет. Однако все формальности нужно соблюдать. Ким посмотрел на часы и вернулся туда, где оставил громкоговоритель. Вновь опустил стекло и поднес рупор к губам:

— Внимание! Говорит командир сводного штурмового отряда капитан Адальфссон. По распоряжению мэрии Нью-Йорка...